

В одной руке он держал огромный букет роз «Снежная гора», в другой — контейнер с едой. С виноватым видом он стоял перед Су Цзяньцю:

— Я планировал сопровождать тебя при переводе в палату, но на дороге были пробки. Я купил цветы, которые ты любишь, чтобы отпраздновать окончание твоего карантина.

Увидев это, медсестра тактично удалилась. Ну и сладко же! Кто говорит, что брак — это могила любви? Такой брак — прямо-таки бочка мёда!

Фу Бай поставил розы, ловко разложил откидной столик над кроватью и поставил перед Су Цзяньцю контейнер с едой:

— Госпожа Фу, я послушался тебя и отдохнул дома. У тётушки научился варить суп, вот результат, попробуй.

Сердце Су Цзяньцю, до этого спокойное и даже растроганное, снова взволновалось, услышав обращение «госпожа Фу». Ему почему-то резануло слух. Он опустил глаза, перестал смотреть на Фу Бая и довольно холодно произнёс:

— Не хочу есть.

— Госпожа Фу, попробуй, ну попробуй, — голос Фу Бая, умоляющего с миской в руках, звучал осторожно, словно капризничая, но с ноткой заискивания.

Су Цзяньцю нахмурился, с подозрением глядя на Фу Бая. Боже, во что превратился Фу Бай? Теперь он совсем похож на большого пса с пушистым хвостом. Образ властного босса рухнул окончательно.

Он невольно смягчился.

Фу Бай, заметив, что выражение его лица стало мягче, воспользовался моментом и поднёс ложку к его губам.

Су Цзяньцю сначала придирчиво понюхал, убедился, что нет неприятного запаха, и только затем наклонился и отпил.

— Ну как? — с ожиданием спросил Фу Бай.

Су Цзяньцю кивнул и дал сдержанную оценку:

— Нормально.

Но, подняв глаза, он увидел, что тыльная сторона ладони Фу Бая покраснела.

Су Цзяньцю раньше обжигался кипятком и понимал, что это ожог.

Фу Бай никогда раньше не готовил. Хотя варить суп несложно, стоит немного не уследить, и пролитый бульон может обжечь. Су Цзяньцю почти машинально потянулся, чтобы взять его руку и осмотреть, но сдержался.

Затем он взял миску и выпил весь суп до конца.

И добавил:

— Очень вкусно.

Фу Бай слегка удивился, у него даже возникла иллюзия, что он отлично приготовил суп. Но затем, как обычно, доел остатки за Су Цзяньцю, и иллюзия развеялась.

Этот приём пищи прошёл в тишине. Обоим было что сказать, они копили это внутри, ожидая, когда же один из них заговорит первым.

Фу Бай убрал контейнеры, придвинул стул к кровати и спросил Су Цзяньцю:

— Наелся?

Су Цзяньцю кивнул. Не знаю почему, но сейчас, глядя на Фу Бая, он чувствовал лёгкую тревогу. Альфа, хорошо отдохнувший прошлой ночью, вновь обрёл энергию и уверенность, излучая сдержанную, но ощутимую властную ауру, которая вызывала у Су Цзяньцю чувство давления.

Фу Бай, глядя на Су Цзяньцю, сказал:

— Тогда давай теперь поговорим.

Это было очень прямо.

Сердце Су Цзяньцю было переполнено, но он не знал, с чего начать.

Фу Бай протянул руку и разгладил морщинку между его бровей, слегка вздохнув:

— Помнишь, когда ты только стал со мной, я говорил тебе: что у тебя на душе — говори мне, не заставляй меня постоянно догадываться.

В тоне этих слов Су Цзяньцю уловил досаду и нежность.

В одно мгновение память отмоталась назад, остановившись на том моменте, когда он стоял у ворот Помесья Роз.

Он прошёл по дорожке, усыпанной розами, в конце которой стоял Фу Бай. Фу Бай взял его за руку и пригласил полюбоваться розами в поместье. Картина сменилась: они в сияющей стеклянной оранжерее, в небе — фейерверк, словно сон, Фу Бай стоит на одном колене, надевая кольцо ему на палец.

Бессчётные «добрых утра» и «спокойных ночей», бесчисленные поцелуи, ночи, когда он спал в объятиях Фу Бая, сигареты, которые он выкуривал, склонившись на его груди...

Всё, что хотелось забыть, всегда вспоминалось, когда не хотелось об этом говорить.

Эта встреча была подобна нежной ловушке, в которую он шаг за шагом заходил, а позади была пропасть, и пути назад уже не существовало.

Су Цзяньцю, плача, сказал:

— Господин Фу, давайте расторгнем контракт.

Фу Бай удивился:

— Какой контракт?

Су Цзяньцю, всхлипывая:

— Тот, что вы заставили меня подписать вначале.

Фу Бай вдруг понял, уголок его рта дёрнулся:

— Ты, кажется, неверно понимаешь наши отношения. Это был брачный договор.

Он наклонился вперёд и спросил:

— Так что, ты хочешь развода?

— Да, — Су Цзяньцю вдруг вспомнил, что у них с Фу Баем есть свидетельство о браке.

— Что за чушь ты несёшь? — Фу Бай рассмеялся. — Основание? Что я сделал не так? Домашнее насилие? Измена? Кто-то привёл к тебе моего внебрачного ребёнка? Или я перестал быть достаточно красивым и богатым, и ты присмотрел кого-то другого?

Су Цзяньцю растерянно покачал головой:

— Нет.

— Тогда почему? Разве для развода не нужна причина? С какой стати я должен позволить тебе себя бросить? — с полным правом заявил Фу Бай.

С какой стати?

Су Цзяньцю на мгновение перехватило дыхание от возмущения. Откуда у Фу Бая такая уверенность, чтобы говорить с полным правом? Кто кого бросает? Ведь это у Фу Бая есть белая луна, это Фу Бай считал его заменой!

— А какая у тебя была причина жениться на мне?

— Потому что я люблю тебя.

Фу Бай замолчал. Он действительно это сказал и повторил ещё раз:

— Су Цзяньцю, я люблю тебя.

— Я всегда считал, что эти слова очень весомы, и их не стоит произносить легкомысленно. Раз уж сказал, нужно доказывать всю жизнь. Теперь я это сказал. Я люблю тебя.

Сердце Су Цзяньцю замерло на две секунды.

Фу Бай... признавался ему в любви?

Но почему-то это прозвучало так властно?

Сердце забилось часто-часто, словно барабанная дробь, нарастающим валом.

Мозг Су Цзяньцю на мгновение отключился, а затем он внезапно спохватился:

— Ты врешь! В твоём сердце я всего лишь замена Шу Чжэню! И Сюэшань — это кот, которого

ты родил с Шу Чжэнем, я всего лишь приёмный отец!

— Нет, ты ни для кого не замена, — Фу Бай взял лицо Су Цзяньцю в ладони и поцеловал его в межбровье. — Ты мой котёнок, мой розовый принц, моя госпожа Фу.

— И ещё, Сюэшань я взял сам. Потому что ты любишь розы «Снежная гора», поэтому её и назвали Сюэшань. Она не от меня и Шу Чжэня.

Хотя Фу Бай не понимал, по какой логике человек может родить кота, он всё же серьёзно объяснил.

Су Цзяньцю был ошеломлён поцелуем, но всё же уловил в словах Фу Бая слабое место:

— Ты врёшь. Сюэшань пять лет. Ты не мог пять лет назад предугадать, что полюбишь меня, и поэтому назвать её Сюэшань.

Фу Бай сказал:

— У меня действительно нет способности предвидеть будущее. Но что, если я полюбил тебя пять лет назад?

Су Цзяньцю совершенно остолбенел.

Фу Бай продолжил:

— На первом курсе университета за тобой начал упорно ухаживать один богатый наследник. Он преследовал тебя везде, ты не мог от него избавиться, дошло до нервного истощения. Позже этого наследника избили за пределами университета, и он больше не осмеливался к тебе приставать.

Су Цзяньцю:

— Откуда ты знаешь?

Фу Бай:

— Это я его избил.

Фу Бай:

— В том же году на экзамене ты сдал одну работу. Она была настолько хороша, что все преподаватели её хвалили, а университет даже выставил её в зале для обозрения. Но в одну ночь, когда отключили электричество, на неё вылили чернила. Позже этого человека поймали, он, весь в синяках, рыдая, извинялся перед тобой в кабинете декана.

Фу Бай:

— Это я его поймал. И заодно избил.

Су Цзяньцю застыл. Фу Бай рассказал всё в точности. Затем, под его потрясённым взглядом, Фу Бай продолжил:

— В год твоего выпуска как раз был столетний юбилей университета. Университет организовал мероприятие по этому случаю, и дипломные работы всех студентов твоего факультета были

выставлены на аукцион. Вырученные средства полностью передавались университету в качестве стипендий для нуждающихся студентов. Кто-то купил твою картину за три миллиона, установив рекорд аукциона за все годы.

— Как ты...

— Это купил я.

Су Цзяньцю долго молчал, словно окаменев.

Он всегда думал, что всё это сделал Шэнь Сюци.

Су Цзяньцю пристально смотрел на Фу Бая, слова подступали к горлу, но он всё же спросил:

— Почему ты не пришёл познакомиться со мной раньше?

Фу Бай вздрогнул, сжал губы, опустил глаза и тихо усмехнулся. Почему? Конечно, из-за неуверенности в себе.

Кто бы мог подумать: даже самый выдающийся человек чувствует себя неуверенно перед тем, кто ему нравится. Когда ты стоишь перед этим человеком, все твои достижения и ореол в этом суетном мире исчезают, остаёшься лишь ты сам, голый человек с голым сердцем.

Когда взгляд любимого человека падает на тебя, ты сияешь, как солнце. Когда взгляд любимого человека отворачивается от тебя, ты падаешь в прах.

— Но сейчас тоже хорошо.

Су Цзяньцю, плача, бросился в объятия Фу Бая:

— Как хорошо, что мне не нужно с тобой расставаться.

Фу Бай обнял его, в его глазах вспыхнул яркий свет. Чувство взаимной симпатии — это так прекрасно.

<http://bllate.org/book/15452/1370847>